HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Сектантские мотивы в Чевенгуре Андрея Платонова
Author(s)	Кубо, Хисако
Citation	Acta Slavica Iaponica, 15, 71-79
Issue Date	1997
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/40142
Type	departmental bulletin paper
File Information	15_71-79.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Сектантские мотивы в *Чевенгуре* Андрея Платонова

Хисако Кубо

Не будет преувеличением сказать, что писатель Андрей Платонов рожден революцией. Перед ним, сыном слесаря, который вынужден был работать с малолетства, революция открыла новый мир. Он поддержал революцию всем сердцем и мечтал о преобразовании мира силой науки. Недолго был даже членом компартии.

Однако Платонова часто упрекали за "религиозное христианское представление о большевизме".[1] Многие его произведения наполнены религиозной атмосферой, и самым ярким тому примером является роман *Чевенгур* (1929).

Роман *Чевенгур* можно разделить на две части: первую половину, в которой главный герой Александр Дванов странствует, и вторую половину, в которой в городе Чевенгур своего рода утопия рождается и погибает. Чевенгур — название вымышленного города.

Фон произведения — время с Октябрьской революции до начала НЭПа, главные герои — коммунисты, а массовые убийства, ими совершаемые, называются "вторым пришествием". Ревком переезжает в церковь, и там в качестве лозунга вывешиваются слова Христа: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы".[2]

Каждый герой имеет свое представление о революции, причем представление эсхатологическое, апокалипсическое. По мысли героев, революция, подобно библейскому дню великого возмездия, губит буржуазию-антихриста и возвышает "обремененных". И наступает рай — коммунизм. Рай после второго пришествия — это так называемое тысячелетнее царство: "И пришел гнев Твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым и великим, и погубить губивших землю". (ОТКРОВЕНИЕ 11. 18)

Говоря о *Чевенгуре*, необходимо учитывать особое отношение его автора к религии и, в частности, эсхатологичность его мироощущения. Особенно явственно звучат в нем сектантские мотивы. Г. Гюнтер в качестве источника милленаристкого характера "Чевенгура" называет хилиазм западноевропейского средневековья.[3] А В. Варшавский связывает апокалипсизм в *Чевенгуре* с сутью самого марксизма.[4] Но нам кажется, источник этого явления целесообразнее искать прежде всего на родине автора романа, в России. Религиозные представления Платонова не ортодоксальны, они тесно связаны с народными верованиями, в том числе и с сектантством.

Как известно, в середине XVII-го века в противовес реформе Никона возникло движение старообрядчества. До конца века оно разделилось на поповщину, которая сохраняла свою церковную организацию, и беспоповщину, сторонники которой считали, что "благодать священства взята на небо", т.е. священника больше нет на земле. На почве беспоповщины возникали такие секты, как напри-

мер, бегуны, у которых бегство от государства стало догматом, или филипповцы, поражавшие людей актами самосожжения. Кроме того, организация сект была также формой протеста против всякого врага, в том числе и государственной власти: молокане, которые пьют молоко в пост, духоборы, "борющиеся за дух", хлысты, известные "радением", скопцы, которые уродовали себя во имя целомудрия... Идеология этого сектантства воплощала утопическую мысль, формировавшуюся с древних времен в народном сознании.

О сектантских мотивах в творчестве Платонова упоминалось не раз.[5] Но до сих пор не был проведен сводный анализ этой проблемы. В данном исследовании мы попытаемся восполнить этот пробел на материале романа *Чевенгур*.

1. Отношение Платонова к сектантству

Прежде всего нужно отметить, что Черноземье, где Платонов родился, являлось одним из самых традиционных центров сектантства. И основатель секты духоборов Иван Повилохин, и основатель секты молокан Семен Уклеин были родом из Тамбовской губернии. Множество духовных стихов сектантов было собрано в Воронеже, где Платонов вырос, и его окрестностях. Даже после революции сектантство в Черноземье занимало крепкие позиции.[6]

Численность сектантов в это время не падала, а наоборот значительно возросла. Согласно данным Ф. Путинцева, в Воронежской губернии в 1917 г. сектантов "числилось" 1227 человек, в 1920 г. — 2800 человек, в 1924 г. — 6463. (При этом нужно учитывать, что многие не афишировали свою принадлежность к сектам.) Рассматривая причины такого роста, Путинцев заметил, что под влиянием ужасов войны, разрухи и голода "религиозность населения увеличилась... При частично растущих религиозных настроениях и одновременном падении авторитета церкви часть населения шла именно в сектантство, а не безбожие".[7]

Важно и еще одно обстоятельство. Сами коммунисты считали, что надо использовать религиозное сектантство в своих целях. Сектантские общины, где совмещаются такие коммунистические принципы, как запрещение собственности или равное распределение дохода, высокая трудовая дисциплина и преданность своей секте, могли служить образцом коммун в процессе коллективизации. На XIII-м съезде РКП(б) была вынесена резолюция: "Особо внимательное отношение необходимо к сектантам, из которых многие подвергались жесточайшим преследованиям со стороны царизма и в среде которых замечается много активности. Умелым подходом надо добиться того, чтобы направить в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы".[8]

В этом свете особым смыслом наполняется эпизод, связанный с путешествием главного героя Александра Дванова. Предгубисполкома Шумилин, который страдает от медленности осуществления коммунизма, подумал, что, наверное, массы уже осуществили что-нибудь: "не пора ли послать в губернию этичного, научного парня, пусть он поглядит — нет ли там социалистических элементов жизни.."(с. 94). Дванов согласился: "Дванов вспомнил различных людей, бродив-

ших по полям и спавших в пустых помещениях фронта; может быть, и на самом деле те люди скопились где-нибудь в овраге, скрытом от ветра и государства, и живут, довольные своей дружбой"(с. 95). Представление Дванова прямо связано с сектантскими коммунами. Если иметь в виду указанную резолюцию, то цель командировки Дванова заключается, можно сказать, в решении практической задачи партии.

Ж. Хеккер пишет о подобном хождении в народ:

> Антирелигиозные пропагандисты, входящие в общины, находили податливых слушателей. Когда они уходили, попов нередко изгоняли из деревень и православные церкви превращались в клубы. Но рано или поздно миссионер-странник, баптист, молоканин или им подобные, появлялись с вестью о спасении и проповедью "истинного благовестия", и через несколько месяцев община, атеизированная полностью и безопасно с точки зрения коммунистов, исполняла славянский вариант нашего знакомого гимна благовестия.[9]

Для многих простых людей, антирелигиозная лексика партии, судя по всему, мало чем отличалась от "истинного благовестия".

Разнообразие религиозных сект очень велико. Однако можно выделить общие положения свойственные в той или иной мере большинству из них. Кратко перечислим эти черты:

1. Воплощение. Человек объявляет себя богом или Христом: "Аз есмь бог". Многие основатели сект начинали миссионерство именно с этого.
2. Целомудрие. Отказ от брака, основанный на идеях Нового Завета: "Ибо есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить да вместит". (ОТ МАТФЕЯ 19. 12) Согласно Библии, у одинокого человека больше возможностей для духовного совершенствования, и лишь во избежание страсти — следует вступать в брак. Это одна из основных идей Библии, наивное толкование которой стало причиной запрещения брака.
3. Откровение. Непосредственное общение с богом. К. Плотников писал о хлыстах: "В основе религиозного миросозерцания хлыстов лежит верование в непосредственное, таинственное общение человека с Божеством, — общение настолько тесное, что Бог и человек сливаются в одно сердце и одну волю".[10] У хлыстов эта черта проявляется особенно отчетливо.
4. Странничество. Уход от мирского. Не говоря уже о бегунстве, искатели истинной веры всегда странствовали или затворялись в своих кельях и коммунах.
5. Перерождение: "Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни". (РИМЛЯНАМ. 6. 4) Эта черта отражается в практике "перекрещения" новых верующих. Сюда можно включить баптистов, которые не

одобряют младенческое крещение и обязывают к новому крещению. Получить новое имя — значит обрести новую, настоящую жизнь.

6. Эсхатология. Апокалиптическое мировоззрение. Миссионеры-сектанты вооружались идеей грядущего тысячелетнего царства: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное".
7. Аскеза: "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие". (ОТ МАТФЕЯ. 19. 24) Несмотря на то, что ортодоксальное христианское учение никогда, казалось бы, не поощряло роскошь, сектанты часто находили роскошь в самой церкви, которую они считали признаком ее разложения.

Даже такое краткое перечисление особенностей сектантской идеологии позволяет провести параллель между сектантским мировоззрением и мировоззрением героев Платонова. *Подобные мотивы есть и в раннем творчестве Платонова.*

Интерес Платонова к неортодоксальной религии проявляется в целом ряде произведений. Из ранних назовем, например, "Иван Жох"(1927), герой которого пензенский купец-раскольник Иван Прохоров, по прозвищу Жох, вернулся из Польши, пользуясь указом Екатерины II. На том хуторе, где он ночевал, "жили тоже раскольники, только бродячего толку, которые считали, что бог на дороге живет, и что праведную землю можно нечаянно встретить".[11] Некие Семенов и Кожевников уговорили Жоха бунтовать, сказав, что тот похож на покойного петра III. Но мятеж подавили, бунтовщики убежали куда-то. В 1919 г. заблудившиеся красно-зеленые партизаны попали в скит "Вечный-Град-на Дальней реке", устроенный Жохом и его товарищами.

История восстания Жоха основана на истории крестьянской войны под предводительством Пугачева. При этом Платонов подчеркивает, что восстание подняли старообрядцы. Ему важно, что это движение носило бегунский характер. Речь самозванца Жоха почти совпадает с речью Пугачева, приведенной в статье А. Щапова "Земство и раскол II (Бегуны)".

У Платонова:

- Петр Федорович жив, а не помер. Ты смотри на меня, как на него. Я был за морем, приезжал в Россию прошлого года, и услыша, что яицких казаков-раскольников притесняют в вере, нарочно сюда на выручку приехал, и хочу, если бог допустит, опять вступить на царство.[12]

У Щапова:

- Петр Федорович жив, а не умер: ты смотри на меня так, как на него. Я был за морем и приехал в Россию прошедшего года. И услыша, что яицкие казаки приведены все в разоренье, так нарочно для них я сюда на выручку приехал, и хочу, если Бог допустит, опять вступить на царство.[13]

Почти буквальная цитата. Можно с достоверностью предположить, что Платонов не только интересовался бегунством, а исследовал его довольно подробно.

2. Сектантство в *Чевенгуре*

Теперь мы вернемся к *Чевенгуру*. Из образов, имеющих очевидное отношение к сектантству, сразу вспоминается старик из Петропавловки. В сельсовете к Дванову обращается человек, который называет себя богом. Он жалуется на неверующих: "Очами видят, руками шупают, а не верят. А солнце признают, хоть и не достовали его лично"(с. 98). Бог, воплощенный в живом человеке, и человек, присваивающий себе статус бога — это первая черта сектантства, о которой мы говорили выше: "Аз есмь бог".

Другим примером являются коренные жители города Чевенгур. Они перестали работать и в каждой буре и засухе видят начало второго пришествия. Они даже запасают муку и соль "для питания во время прохождения второго пришествия, дабы благополучно переждать его, а затем остаться жить"(с. 231). Такой эсхатологизм, ожидание второго пришествия, также, как мы отмечали, свойствен сектантству. Ясно, кем были первые создатели города Чевенгур. Коммунист Полюбезьев объясняет происхождение города: "...есть ровная степь и по той степи идут ищущие своего существования вдалеке; дорога им дальняя, а из родного дома они ничего, кроме своего тела, не берут. И поэтому они меняли рабочую плоть на пищу, отчего в течение долголетия произошел Чевенгур: в нем собралось население. С тех пор прохожие рабочие ушли, а город остался, надеясь на бога"(с. 206).

В первой половине XVIII-го века через саратовскую степь пролегал путь, который по преданию назывался "сиротской дорогой". По ней шли беглые солдаты и крестьяне: "На пути этом многие из них селились на хлебородных землях саратовской губернии и в конце XVIII-го столетия основали вновь несколько сел...".[14] Они были предшественниками бегунства.

Наряду с образами, открыто отсылающими к реалиям сектантства, в романе существует подспудное проявление сектантства. Речь идет о сектантстве в мышлении и действиях коммунистов. Уполномоченный из Ханских Двориков Федор Достоевский без тени сомнения заявляет: "...сегодня у нас сельский молебен в честь избавления от царизма. Народу мною дано своеволие на одни сутки — нынче что хошь делай"(с. 128). Революция — подобна избавителю, и славят ее.

Кампания по переименованию, во время которой и этот герой сам изменил свое имя (его настоящие имя и фамилия — Игнатий Мошонков), напоминает второе крещение у сектантов: "Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозвется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно"(с. 129). Ради обновления жизни герои получают новое имя, бросая старое, данное при рождении. Как заметили Р. Гальцева и И. Роднянская, эти герои — "перекрещенцы".[15] Человек переродился в новом веровании, в коммунизме.

Герои *Чевенгура* с сектантским упорством привержены аскезе. Враги чевенгурцев — не белые, не бандиты. Хотя чевенгурцы и думают, что буржуи непременно собираются напасть на них, гражданская война уже кончается. Настоящий враг — то, что они называют отсталостью — новая экономическая политика.

Когда Дванов вернулся в город, где начинается НЭП, и увидел в магазинах много товаров, *он подумал, что город захвачен белыми. И Гопнер, который идет в* Чевенгур с Двановым, считает, что хлеб и революция несовместимы: "Сроду-то было когда, чтоб жирные люди свободными жили?"(с. 180) Вообще в городе Чевенгур труд — пережиток жадности, "потому что труд способствует происхождению имущества, а имущество — угнетению"(с. 217).

Это высказывание важно не столько с политической, сколько с религиозно-этической точки зрения. Понятие свободы у героев Платонова совсем не правовое. Сравним с бегунскими стихами.

> Ты теперь хоть не богата
> и в народе не славна,
> но навек птичка ты крылата
> беспечальна и вольна.[16]

Богатые не могут быть свободными, счастливые не могут быть праведными — суждение чевенгурцев отражает враждебность к НЭПу приверженцев военного коммунизма, но, в сущности, это проявление сектантской психологии героев.

Чевенгурцы думают, что построили "коммунизм" в своем городе. Большевик Жеев спрашивает председателя исполкома Чепурного: "А что такое коммунизм[...]?" Чепурный отвечает: "Коммунизм же обоюдное чувство масс[...]". Это как бы официальная версия трактовки понятия "коммунизм" в Чевенгуре. Но есть еще и другое объяснение для "прочих" (так называются новые жители после массовых убийств). На вопрос одного из них о значении звезды — символа Советской власти, Чепурный ответил, что звезда — человек, который раскинул свои руки и ноги, чтобы обнять другого человека. В его объяснении видим большой интерес к причине, почему крест одноногий: "Раньше люди одними руками хотели друг друга удержать, а потом не удержали — и ноги расцепили и приготовили"(с. 311).

Звезда — символ Советской власти — оказывается усовершенствованной формой христианского креста. "Коммунизм" по Чепурному — "обоюдное чувство масс" — объятие, удерживание друг друга. Другим словом — любовь. "Люби ближнего твоего, как самого себя" — учение Христово исполнилось. "Коммунизм", в этом смысле, — совершенная форма несовершенного христианства. Но недовольство существующей церковью и стремление к настоящей — это прямая параллель с религиозным сектантским образом мыслей.

Э. Толстая проводит аналогию между эпизодами из *Чевенгура* и идеями хлыстовства: "Попытка создать в Чевенгуре коммуну на основе "товарищеской любви" есть по сути сектантская, хлыстовская попытка превратить людей в "ангелов".[17] В этом отношении чевенгурцы должны были стать ангелами. Поэтому обращает на себя внимание особое целомудрие героев Платонова. В Чевенгуре были только "сподвижницы", не было жен. После массового убийства при наборе новых жителей дано указание: вести только тех "баб", которые будут "товарищами", а не-товарищей выгнать в степь. Очень скоро жители стали требовать

настоящих жен. Однако до поры до времени они жили этой утопией.

Семейственность разрушает утопию — в этом отражается общественное настроение начала 20-х годов («сексуальная революция»А. Коллонтай и др.). Можно, разумеется, говорить здесь и о влиянии "Философии общего дела" Н. Федорова. Но нельзя упускать из виду возможную параллель между идеями героев *Чевенгура* и сектантов. Источник идей *Чевенгура* надо искать и в мировоззрении русского народа, которое проявляется в наиболее радикальных формах сектантства.

Чепурный, глава города Чевенгур, очень часто произносит слова: "чувство", "чувствовать", "предчувствие"("Ты поласкай в алтаре Клавдущу, а я дай предчувствием займусь.."(с. 212); "Убеди меня, пожалуйста, — я ничего не чувствую!" (с. 339 и т.д.)). Разумеется, здесь выражается антиномия "чувства" и "разума", которой проникнут весь роман. В городе Чевенгур "чувство" берет на себя Чепурный, "разум" — секретарь Прокофий. Но в то же время "чувствительность" Чепурного напоминает религиозное откровение, непосредственное общение с богом, которое (как особый способ познания) почиталось сектантами. После совершения массового убийства, "второго пришествия", Чепурный потерял свой путь. Он не знал теперь, что делать для осуществления коммунизма, и "уходил для сосредоточенности в дальние луга, чтобы там, в живой траве и одиночестве, предчувствовать коммунизм"(с. 243). Но предчувствие не появилось. Тогда Чепурный "организовал чтение" Карла Маркса. После чтения Чепурный говорил: "Формулируй, Прош, [...] я что-то чувствую".

Чепурный, конечно, не исполняет никаких ритуалов. Но он идет в луга, чтобы на него снизошло просветление. Чепурный старается что-то "чувствовать", как будто ждет сошествия Святого Духа.

Здесь мы сталкиваемся с одной из основ теории чевенгурского "коммунизма". По мнению Чепурного, единственным пролетарием в Чевенгуре является солнце. Оно, как он говорит, в двенадцать раз больше Земли, и его сила вполне достаточна для всего мира. Поэтому всякий труд оказывается излишним.

Однако солнце отождествляется со Святым Духом у хлыстов:

> Ты взойди, взойди, красно солнышко,
> Красно солнышко, сударь Дух Святой!
> Ты взойди, взойди над сырой землей,
> Над морозами, над холодом!
> Обогрей ты нас добрых молодцев,
> Добрых молодцев, сирот бедных,
> Сирот бедных, людей Божьих...[18]

Отметим, что жители Чевенгура буквально все сироты. И в Чевенгуре люди живут лишь душевной жизнью, как ангелы: "...у всех одна профессия — душа, а вместо ремесла мы назначили жизнь"(с. 316-317).

В романе *Чевенгур*, как в других произведениях Платонова, большую роль играет мотив странничества. Захар Павлович, который "все может починить и

оборудовать, но сам ... прожил жизнь необорудованно"(с. 24), Дванов и его спутник Копенкин, которые "боялись потолков хат и стремились на дороги"(с. 136), Луй, который "убедился, что коммунизм должен быть непрерывным движением людей в даль земли"(с. 218), и т.д. Даже Чепурный, относительно оседлый человек среди чевенгурцев, думает: "На открытом месте я буду сильней"(с. 215). Странничество, свойственное героям *Чевенгура*, тоже можно осмыслить с точки зрения сектантской идеологии и практики.

Тогда окажется неслучайным, что последним пунктом странничества главных двух героев, Дванова и Копенкина, стал Чевенгур, где живет Чепурный, по прозвищу "японец". О том, что это прозвище ассоциируется с легендами о Беловодье, упоминал Е. Яблоков.[19] Беловодье — последняя праведная земля, если судить по легендам старообрядцев и бегунов. Это "страна, находящая за Китаем, где-то в океане; она расположена на множестве островов, там растут «древа», которые «с высочайшими горами равняются», бывают сильные морозы и частые землетрясения. «Опонцы», живущие в том же Беловодье, либо где-то рядом, «в землю свою никого не пущают и войны ни с кем не имеют»".[20] Таким образом в легенде мысли о Японии сочетаются с мечтой об утопии.

Большевики из Чевенгура считают свой город единственным местом, где воплотилась мечта об истинном коммунизме. Есть еще одно подобное место в романе — "Революционный заповедник товарища Пашинцева имени всемирного коммунизма". Заповедник Пашинцева — по сути, скит старообрядцев, ушедших из мира, чтобы сохранить истинную веру.

Однако очень скоро заповедник был разгромлен. В *Чевенгуре* действует неписанный закон — оседлые не спасутся. Вспомним новых жителей Чевенгура — "прочих". Они являлись бродягами, люмпен-пролетариатом. До прихода в город они больше всего берегли товарищей, а после поселения потеряли товарищество, начали требовать жен, и приобретение женщин раскололо город, где жила "одна сиротская семья, где бродят люди, меняя ночлеги и привыкая друг к другу от неразлучности" (с. 323). В Чевенгуре даже дома бродили "субботниками". В каждую субботу люди передвигали дома, "чтобы жить в товарищеской тесноте". Бегуны правы — чтобы спасаться, надо бежать и бежать. Остановка означает гибель.

Мы рассмотрели сектантские мотивы в романе *Чевенгур*. В нем перекликается понимание коммунизма с мировоззрением верующих, не принадлежащих официальной церкви.

В истории русской литературы многие писатели интересовались сектантством и изображали его в своих произведениях. По поводу *Чевенгура* нельзя сказать, что он является романом о сектантстве. Но сектантство — самый яркий пример утопической идеи, создаваемой в России веками, и именно эту идею мы попытались рассмотреть в *Чевенгуре*.

В результате можно сказать, что Чевенгур не является фантастикой. Каждый эпизод в нем имеет основу и исторический фон.

Примечания

1 См.: А. Гурвич, "Андрей Платонов", *Красная новь*, 1937, №10.
2 А. Платонов, *Чевенгур* (М.: Высшая школа, 1991), с. 211. В дальнейшем ссылки приводятся в тексте только с указанием страницы.
3 Г. Гюнтер, "Жанровые проблемы утопии и 'Чевенгур' А. Платонова", *Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы* (М., 1991).
4 В. С. Варшавский, *Родословная большевизма* (Paris, 1982).
5 См.: Е. Толстая-Сегал, "Натурфилософские темы в прозе Платонова 20-30-х гг.", *Slavica Hierosolymitana*, Vol. 4, 1979; Е. Толстая-Сегал, "Идеологические контексты Платонова", *Russian Literature,* Amsterdam, Vol. 9, 1981; Е.А. Яблоков, "Комментарий", А. Платонов, *Чевенгур* (М., 1991).
6 Ф. Путинцев, "Район распространения сектантства прежде и теперь", *Критика религиозного сектантства: (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов)* (М., 1974), с. 87.
7 Ф. Путинцев, "Современное сектантство", там же, с. 75.
8 *РКП(б) Съезд 13-й. Москва. 1924: Стенографический отчет* (М.: Госполитиздат, 1963), с. 642.
9 J. Hecker, *Religion under the Soviets* (NY: Vanguard Press, 1927), p. 153.
10 К. Плотников, *История и обличения русского сектантства (мистического и рационалистического)*, изд. 3-е (Пг., 1916), с. 56.
11 А. Платонов, "Иван Жох", *Потаенный Платонов: Повесть и рассказы* (Париж; Нью-Йорк, 1983), с. 15.
12 Там же, с. 17.
13 А. Щапов, "Земство и раскол II (Бегуны)", *Сочинения А.П. Щапова в 3-х томах*, т. 1 (СПб., 1906), с. 538.
14 Там же, с. 516.
15 Р. Гальцева, И. Роднянская, "Помеха-человек", *Новый мир*, №12, 1988, С. 222.
16 "Бегунские стихи./Сообщил В.И. Срехневский", В. Бруевич (ред.), *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола*, вып. 1 (СПб., 1908), с. 245.
17 Е. Толстая-Сегал, "Натурфилософские темы в прозе Платонова 20-30-х гг.", p. 247. Также см.: Е. Толстая-Сегал, "Идеологические контексты Платонова", p. 259.
18 *Песни русских сектантов-мисстиков: Сборник, составленный Т.С. Рождественским и М.И. Успенским* (СПб., 1912), с. 156.
19 Е.А. Яблоков, "Комментарий", с. 595.
20 К.В. Чистов, *Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв.* (М., 1967), с. 281.